

правоприменительной деятельности находится пока в стадии становления. Безусловно, существуют отдельные проблемы синтеза традиционной юридической методологии и неюридических методологических средств, предлагаемых конфликтологами. Тем не менее, как нам представляется, и о чем мы уже упоминали в настоящей работе, идея учета в правоприменительном разрешении конфликтной ситуации достижений нравственной теории, психологической науки, конфликтологического, ситуационно-тактического знания всегда, во многом неартикулированно, присутствовала в арсенале средств опытных профессионалов-правоприменителей. Усложнение современных общественных отношений, высокая степень их подвижности, пересечения и накладывания различных видов взаимоотношений между людьми требуют адекватной реакции государства по поддержанию баланса социальных интересов, достижению уравновешенной социальной среды. В этом отношении расширение целевого назначения правоприменительной деятельности посредством придания ей операциональной функции по разрешению социальных (юридических) конфликтов представляется оправданным, однако для этого необходима теоретическая кристаллизация юридико-конфликтологической теории и ее внедрение в методологический арсенал теории правоприменения. Предлагаемая технология правоприменительного разрешения юридических конфликтов, будем надеяться, внесет определенный вклад в решение этой задачи.

Библиографические ссылки

1. Луман, Н. Дифференциация / Н. Луман ; пер с нем. Б. Скуратова. М. : Логос, 2006. 320 с.
2. Гиренок, Ф.И. Этнос глобализма / Ф.И. Гиренок // Удовольствие мыслить иначе / Ф.И. Гиренок. М. : Акад. проект, 2008. С. 215–219.
3. Алексеева, Л.А. Соотношение социальной и юридической эффективности правоприменительной деятельности (на примере органов внутренних дел) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Л.А. Алексеева ; Акад. упр. МВД РФ. М., 2002. 19 с.
4. Тихомиров, Ю.А. Коллизионное право : учеб. и науч.-практ. пособие / Ю.А. Тихомиров. М. : Юринформцентр (Тихомиров), 2000. 394 с.
5. Худойкина, Т.В. Юридический конфликт (теоретико-прикладное исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Т.В. Худойкина ; Нижегород. акад. МВД России. Н. Новгород, 2002. 55 с.
6. Худойкина, Т.В. Юридический конфликт: динамика, структура, разрешение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Т.В. Худойкина ; Нижегород. акад. МВД России. Саранск, 1996. 189 с.
7. Керимов, Д.А. Философия и философия права / Д.А. Керимов // Право и образование. 2002. № 5. С. 4–26.

8. Павлов, В.И. Юридические конфликты: теоретико-методологические аспекты разрешения в процессе применения права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В.И. Павлов ; Бел. гос. ун-т. Минск, 2006. 121 с.

9. Питерцев, С.К. Тактика допроса / С.К. Питерцев, А.А. Степанов. СПб. : Питер, 2001. 160 с.

10. Лазарев, В.В. Применение советского права / В.В. Лазарев. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1972. 199 с.

11. Вопленко, Н.Н. Социалистическая законность и применение права / Н.Н. Вопленко ; под ред. М.И. Байгина. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1983. 184 с.

12. Поляков, А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций / А.В. Поляков. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 864 с.

13. Алексеев, С.С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. / С.С. Алексеев. Свердловск : Свердл. юрид. ин-т, 1973. Т. 2. 401 с.

14. Козлов, А.С. К вопросу об объективной реальности правовых явлений / А.С. Козлов // Проблемы советского государства и права : межвуз. темат. сб. / Иркут. гос. ун-т ; редкол.: О.В. Иванов (гл. ред.) [и др.]. Иркутск, 1977. Вып. 13. С. 46–51.

15. Козлов, А.С. Место и роль судов общей юрисдикции в механизме правового регулирования / А.С. Козлов // Сибир. юрид. вестн. [Электронный ресурс]. 1999. Режим доступа : <http://lawinstitut.ru/science/vestnik/19992/kozlov.html>. Дата доступа : 4.05.2009.

16. Юридическая конфликтология : в 3 ч. / Рос. акад. наук, Центр конфликтолог. исслед. ; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1994. Ч. 2 : Юридический конфликт: сферы и механизмы. 172 с.

17. Теория государства и права : хрестоматия : в 2 т. / авт.-сост.: В.В. Лазарев, С.В. Липень. М. : Юристъ, 2001. Т. 2. 604 с.

18. Гончаров, В.Б. Проблема усмотрения правоприменяющего субъекта в правоохранительной сфере / В.Б. Гончаров, В.В. Кожевников // Государство и право. 2001. № 3. С. 51–60.

В.А. Кучинский, профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, профессор

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА СТИМУЛИРОВАНИЯ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В условиях формирования демократического социального правового государства в Республике Беларусь все большее внимание ученых-правоведов и практикующих юристов уделяется совершенствованию

форм, средств и методов правового воздействия на субъектов права в целях обеспечения их правомерного поведения. Уже ушло то время, когда чуть ли не единственным средством такого воздействия было государственное принуждение, поддерживаемое учением о трехэлементной правовой норме, согласно которому в каждой типичной норме права наряду с гипотезой и диспозицией должна обязательно присутствовать санкция. В советском правоведении эта конструкция была впервые выдвинута известными правоведами С.А. Голунским и М.С. Строговичем [1, с. 251–253], а затем широко поддержана в учебной и научной литературе такими учеными, как П.Е. Недбайло, А.В. Мицкевич, Ю.Г. Ткаченко, А.Ф. Шебанов и др. [2, с. 399–403; 3, с. 439–448; 4, с. 218–232]. Предполагалось, что в случае нарушения предписаний, содержащихся в диспозиции, всегда должно последовать карающее воздействие со стороны государства, предусмотренное в санкции, даже если она не присутствует непосредственно в соответствующей статье нормативного акта.

Однако уже в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого столетия стало приходить понимание того, что необходима научная разработка и систематизация комплекса юридических мер, обеспечивающая правомерное поведение субъектов права в демократическом обществе. Эти меры должны охватывать наиболее целесообразные формы и средства воздействия как на противоправное, так и на правомерное поведение граждан, должностных лиц, организаций. Они призваны всемерно стимулировать позитивную для общества деятельность, служить эффективным инструментарием предупреждения негативного, вредоносного поведения, вплоть до наказания правонарушителей.

Однако научные исследования в данном направлении продвигались чрезвычайно медленно. В основном эта работа сводилась к систематизации, а по сути дела, к перечислению мер юридического воздействия в различных сферах правового регулирования, т. е. по отраслям права. При этом в лучшем случае характеризовалось содержание конкретных мер правового воздействия подобно тому, как в настоящее время меры уголовной ответственности подразделяются на виды уголовного наказания и иные меры уголовной ответственности (осуждение с отсрочкой исполнения наказания, с условным неприменением наказания, без назначения наказания и др.). И лишь в определенной степени разрабатываемой можно считать систематизацию мер правового воздействия в отношении классификации средств административного принуждения (административно-правового обеспечения и наказания) [5, с. 5–22; 6, с. 32–36; 7, с. 52–62]. Что же касается других мер правового воздействия, в том числе констатации фактов, имеющих юридическое значение, и поощрений, то эти аспекты остаются в тени, чем косвенно признается обвинительный уклон в правоприменительной практике правоохранительных органов.

Тем не менее правоприменительная деятельность чрезвычайно многообразна и предполагает наряду с принуждением использование широкого диапазона мер позитивного воздействия, включая констатацию предусмотренных законом юридических фактов положительного характера и поощрений.

В этой связи неизбежно возникает вопрос о критериях научной систематизации мер юридического воздействия, приемлемых для всех сфер правового регулирования, присущих всем отраслям права. Представляется, что основным, если не единственно определяющим критерием такого рода является та цель, к достижению которой стремится как законодатель, так и правоприменяющий меру воздействия орган (должностное лицо).

Исходя из этого, т. е. отходя от широкого понимания рассматриваемой проблемы, нельзя не признать, что все меры правового воздействия на субъектов права должны в конечном счете стимулировать их правомерное поведение. Но средства такого рода зависят и от предполагаемого метода воздействия – убеждения или принуждения – в отношении конкретных лиц. С учетом этих обстоятельств меры правового воздействия могут быть весьма разнообразными – от собственно стимулирующих, положительных для субъекта права до карающих, в той или иной мере ограничивающих свободу его действия. Эффективность их влияния в конечном счете на общественные отношения во многом зависит от степени учета как субъективных, так и объективных факторов, определяющих правомерное или противоправное поведение людей. Необходимость обеспечения наибольшей результативности мер правового воздействия (как при нормативном установлении, так и при выборе их в ходе правоприменительной деятельности) и предполагает необходимую научную систематизацию этих мер с учетом их юридической природы, общественно-политической направленности и, что самое важное, предусматриваемых ими целей воздействия.

Если исходить из развивающейся правоприменительной практики (в том числе практики правоохранительных органов) и ее современного научного обобщения, меры правового воздействия с определенной степенью абстрагирования могут быть разделены на семь основных групп: 1) меры позитивного (благоприятного для субъекта права) юридического признания; 2) меры поощрения; 3) меры негативного (неблагоприятного для субъекта права) юридического признания; 4) меры предупреждения (предотвращения) противоправного поведения; 5) меры обеспечения реализации правового воздействия (в случаях явного или предполагаемого правонарушения); 6) меры защиты (восстановления нарушенных прав); 7) меры ответственности (в отношении лиц, совершивших виновно правонарушение).

Первые две группы мер правового воздействия охватывают средства положительного влияния на субъектов права при их правомерном поведении и связаны с положительной оценкой такого поведения со стороны правоприменительных органов. Последние две связаны с доказанным (признанным в установленном законом порядке) правонарушением поведением и нацелены главным образом либо на ликвидацию его негативных последствий для потерпевшего лица, либо на наказание правонарушителя. Меры же третьей, четвертой и пятой (промежуточных) групп правового воздействия носят в основном превентивный характер и реализуются в той сфере, где правомерное и неправомерное поведение каким-либо образом соприкасаются, находятся в так называемом маргинальном состоянии.

В целях более конкретного уяснения содержания названных видов правового воздействия рассмотрим их несколько подробнее.

Позитивное юридическое признание как мера правового воздействия предусматривается законодательством и используется в условиях, когда для стимулирования правомерной и социально полезной деятельности субъектов права, направленной на достижение желаемых ими последствий, достаточно официальной положительной оценки, выраженной в правоприменительном акте уполномоченного на то властного органа государства. Вместе с тем такое юридическое признание обычно связано с государственным обеспечением для субъектов дополнительных благоприятных возможностей, связанных с конкретным видом правомерного поведения, и предполагает потенциальную защиту их законных интересов [8, с. 235–236]. Так, вступление граждан в брак, юридически признаваемое его регистрацией, обуславливает защиту со стороны государства интересов семьи, материнства, отцовства и детства (ст. 32 Конституции Республики Беларусь).

Меры позитивного юридического признания весьма разнообразны. При единой целевой направленности (установление фактов, имеющих правовое значение, в целях благоприятного для заинтересованных лиц регулирования соответствующих правоотношений) они довольно существенно различаются по содержанию в зависимости от специфики регулируемых посредством права общественных отношений. Например, в сфере гражданско-правовых отношений это установление фактов в порядке особого производства: родственных отношений, нахождения на иждивении, регистрации рождения, усыновления, отцовства, принятия наследства, признания отцовства, владения недвижимым имуществом и др. В области трудовых отношений это установление стажа работы, профессиональной пригодности, уважительности причины для увольнения по желанию работника, выдача документов о работе и заработной плате и т. п. В правовых отношениях, регулируемых уголовно-процессуальным законодательством, также возможны меры позитивного признания, в частности в виде отказа в возбуждении уголовного дела, вынесения оправдательного приговора, подтверждения отсутствия у осужденного, отбывающего пожизненное заключение, дисциплинарных проступков в целях представления к возможной замене этого наказания лишением свободы и др.

Меры правового поощрения, применяемые вследствие позитивной оценки определенного социального значимого поведения, включают в себя разнообразные средства его материального, организационного, морального стимулирования в юридических формах. Они сопутствуют как реализуемым правам, так и осуществляемым обязанностям субъектов права и связываются с добросовестным исполнением тех и других. Следовательно применение мер поощрения возможно лишь при позитивной деятельности, причем не только выходящей за пределы обычно предъявляемых к ней требований, но и осуществляемой в их рамках. К мерам поощрения относятся средства как предусматривающие дополнительные блага для субъекта права, так и снимающие или ограничивающие неблагоприятные для него последствия прежнего негативного, даже противоправного поведения (снятие выговора, судимости, досрочное освобождение от уголовного наказания и т. п.).

По широкому признанию меры поощрения весьма эффективно способствуют правомерному поведению и воспитанию позитивного правосознания. Тем не менее в действующем законодательстве мерам поощрения уделяется явно недостаточное внимание, а в научной и учебной литературе эта проблема часто сводится к рассуждениям о методах убеждения [7, с. 52–55]. И это, видимо, не случайно. В ст. 24 закона «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» говорится о том, что органы вправе поощрять граждан, отличившихся в борьбе с преступностью и охране общественного порядка, но меры такого поощрения не конкретизируются. Они не рассматриваются и в «Научно-практическом комментарии к Закону Республики Беларусь „Об органах внутренних дел Республики Беларусь“» [9, с. 142–143].

Примерно такая же ситуация существует и в других сферах правового регулирования. Так, в ст. 196 Трудового кодекса Республики Беларусь («Поощрения за труд») также не закреплен конкретный перечень мер поощрения, которые могут быть применены за образцовое выполнение трудовых обязанностей. Однако установлено, что конкретные виды поощрений работников за труд определяются коллективным договором, соглашением или правилами внутреннего трудового распорядка, а также уставами и положениями о дисциплине. В «Постатейном комментарии к Трудовому кодексу Республики Беларусь» отмечается, что ориентирами при установлении поощрений за труд «могут служить следующие виды поощрений: объявление благодарности, выдача премии, награждение ценным подарком, Почетной грамо-

той, занесение в Книгу почета, на Доску почета» [10, с. 570–571]. За особые трудовые заслуги перед обществом и государством работники могут быть представлены к государственным наградам в соответствии с законом. При этом весьма существенно то предусмотренное законодательством обстоятельство, что все сведения о награждениях, объявленные в указах Президента Республики Беларусь, и поощрения за труд, объявленные в приказе (распоряжении) нанимателя, должны заноситься в трудовую книжку работника в раздел «Сведения о награждениях и поощрениях».

Меры неблагоприятного для субъекта права юридического признания, как и меры позитивного признания, заключаются в установлении юридических фактов, но в отличие от последних – фактов, связанных с негативной оценкой поведения субъекта права и допускающих (предполагающих) впоследствии принятие к нему в определенной процессуально-правовой форме мер принудительного воздействия. Такие меры предусматриваются всеми отраслями национального права (установление факта поставки недоброкачественной продукции, утверждение заключения по факту совершения дисциплинарного проступка, вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого при наличии достаточных доказательств для предъявления обвинения и т. п.).

Меры неблагоприятного юридического признания сами по себе ни в коей мере не могут расцениваться как средства принудительного характера. Другое дело, что они должны в соответствии с законодательством служить обязательной предпосылкой для принятия к субъекту права предусмотренных мер принуждения. В то же время не исключено, что меры негативного признания при предусмотренных законом исключительных обстоятельствах могут способствовать предотвращению применения к определенному лицу мер принуждения и даже наказания. Например, лицо, впервые совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, может быть освобождено от уголовной ответственности, если будет надлежащим образом установлено, что оно после совершения преступления добровольно явилось с повинной (ст. 88 УК).

Меры предупреждения (предотвращения) противоправного поведения устанавливаются и применяются в целях противодействия возникновению правонарушений, в том числе уклонений от ответственности за правонарушения. Поскольку в отличие от мер позитивного признания и поощрения меры предупреждения, как и меры негативного признания, действуют не в сфере абсолютно правомерного поведения, а на грани его соприкосновения с противоправным поведением, им присущи элементы государственного принуждения. К мерам предупреждения относятся, в частности, средства предотвращения причинения обществу, организации или личности необратимого вреда (профи-

лактическое изъятие огнестрельного оружия у лиц, страдающих хроническим алкоголизмом или наркоманией, запрещение эксплуатации помещений, не обеспеченных пожарно-охранной сигнализацией, приостановление работы объектов лицензионно-разрешительной системы при несоблюдении установленного государством порядка их открытия и функционирования и т. п.). Понятно, что такие меры носят в значительной степени профилактический характер, но с элементами принуждения (в том числе надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы).

Несмотря на принудительный характер, ограничивающий подчас правовые возможности определенных субъектов права, меры предупреждения не должны смешиваться с мерами пресечения, обеспечения и тем более с мерами ответственности, поскольку они применяются не в связи с противоправным деянием (и не за противоправное деяние), а в целях его предотвращения. В этом отношении представляется обоснованным мнение авторов учебного пособия по административной деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь, которые предлагают все меры административного принуждения по способу обеспечения правопорядка подразделять на четыре основные группы: а) административно-предупредительные меры; б) меры административного пресечения; в) меры административных взысканий; г) меры, обеспечивающие производство по делам об административных правонарушениях [7, с. 60]. Каждая из приведенных групп мер административного принуждения действительно имеет свое содержание, определенные цели, установленный порядок применения и отвечает требованиям системного подхода к вопросу о классификации. Нельзя не заметить, что предложенная группировка мер административного принуждения вписывается в предлагаемую в настоящей статье классификацию мер правового воздействия, применяемых в современной правоприменительной практике.

Меры обеспечения реализации правового воздействия в случаях явного или предполагаемого правонарушения являются разновидностью принуждения, применяемого в установленной процессуальной форме в целях обнаружения правонарушения, установления личности правонарушителя, обнаружения и сохранения соответствующих доказательств, создания условий и гарантий для объективного и успешного рассмотрения дела и исполнения принятого по нему решения. Назначение мер обеспечения состоит в создании необходимых возможностей для реализации норм материального права, предусматривающих защиту нарушенных прав субъектов права и ответственность за правонарушения.

Меры обеспечения хоть и имеют общее целевое назначение, но заметно разнятся в зависимости от сфер общественных отношений, регулируемых различными отраслями процессуального законода-

тельства. Так, к мерам обеспечения административного процесса относятся: административное задержание физического лица, личный обыск задержанного, наложение ареста на имущество, изъятие вещей и документов, задержание и принудительная отбуксировка транспортного средства, отстранение от управления транспортным средством, привод. В отношении юридического лица могут быть применены такие средства обеспечения, как изъятие документов и имущества, наложение ареста на товары, транспортные средства и иное имущество, принадлежащее юридическому лицу [ст. 8.1–8.13 ПИКоАП].

Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь к мерам процессуального принуждения (обеспечения) относятся задержание, меры пресечения, иные меры. Задержание состоит в доставлении лица, подозреваемого в совершении преступления, в орган уголовного преследования и в кратковременном содержании его под стражей в условиях, определенных законом. Мерами пресечения являются: подписка о невыезде и надлежащем поведении; личное поручительство; передача лица, на которое распространяется статус военнослужащего, под наблюдение командования воинской части; передача несовершеннолетнего под присмотр; залог; домашний арест; заключение под стражу. К иным мерам процессуального принуждения относятся: обязательство о явке; привод; временное отстранение от должности; наложение ареста на имущество; денежное взыскание. Подтверждением того, что меры процессуального принуждения носят именно обеспечительный характер, является положение ст. 128 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь о том, что они применяются в целях обеспечения порядка предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела, надлежащего исполнения приговора суда.

Меры обеспечения реализации правового воздействия широко применяются также в соответствии с гражданским процессуальным законодательством. В основном они именуются мерами по обеспечению иска, к которым относятся: наложение ареста на имущество; запрещение ответчику совершать определенные действия; запрещение другим лицам передавать имущество ответчику или выполнять по отношению к нему иные обязательства; приостановление реализации имущества в случае предъявления иска об освобождении его от ареста; приостановление взыскания по исполнительному документу, оспариваемому должником в судебном порядке. В то же время в Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь допущено некоторое смешение мер обеспечения с мерами ответственности (гл. 19 «Гражданская процессуальная ответственность»). Так, наряду с мерами ответственности (судебный штраф, возложение обязанности на недобросовестного участника судопроизводства возместить судебные расходы, удаление из зала суда и т. п.) в ст. 168 ГПК упоминается привод, который во всех

других процессуальных нормативных актах совершенно обоснованно относится к мерам обеспечения, а не наказания. Этим обстоятельством еще раз подтверждается необходимость различать по существу меры принудительного обеспечения реализации правового воздействия от мер защиты и ответственности.

В современных условиях сфера законодательного установления и применения мер принудительного обеспечения существенно расширяется, особенно в связи с усилением борьбы с коррупцией, организованной преступностью, торговлей людьми и т. п. Но такое вынужденное расширение мер обеспечительного воздействия предполагает не только их нормативное отличие от иных мер правового принуждения, но и четкую регламентацию условий и порядка применения предусмотренных законодательством мер принудительного обеспечения реализации средств правового воздействия на правонарушителей исходя из необходимости надежной охраны прав, свобод и законных интересов граждан.

Меры защиты – это принудительные правоохранительные средства воздействия, служащие целям гарантирования и восстановления сложившихся в соответствии с законодательством правовых отношений, прав и законных интересов субъектов права путем побуждения лиц, их нарушивших или игнорировавших, к исполнению ранее возложенных на них или возникших в ходе выполнения общественных функций обязанностей. Если говорить кратко, то эти меры устанавливаются и реализуются в целях защиты (восстановления) нарушенного субъективного права (отмена неправомерного правоприменительного акта, взыскание алиментов на содержание детей, отобрание вещи у незаконного владельца посредством виндикационного иска, восстановление на работе лица, противоправно уволенного, и т. п.). Для применения мер защиты не обязательно наличие виновного деяния, а достаточно объективно противоправного поступка (причинение вреда недееспособным лицом, источником повышенной опасности) или даже правомерного, но затрагивающего чьи-либо интересы (вред, причиненный в состоянии крайней необходимости). Следовательно назначением мер защиты является не наказание, а восстановление нарушенного права, законного интереса.

Правда, существовало и еще в какой-то мере сохраняется мнение о том, что выполнение любой правовой обязанности под воздействием государственного принуждения, даже без наложения дополнительного (штрафного) юридического обременения, уже составляет юридическую ответственность [11, с. 108; 12, с. 96]. Несмотря на то что в последнее время некоторые прежние сторонники этой позиции ее оставляют, смешение мер защиты и мер ответственности нередко сохраняется. Так, в одной из своих работ В.С. Нерсесянц к видам гражданско-правовой ответственности относит восстановление положения, суще-

ствовавшего до нарушения права, пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления, нарушающего гражданские права и законные интересы физического или юридического лица, принуждение к исполнению обязанностей в натуре, возложение обязанности возратить неосновательное обогащение и т. п. [13, с. 525]. Но ведь очевидно, что речь идет о мерах защиты, а не ответственности, поскольку в указанных случаях предусматривается только восстановление нарушенных прав, но никак не наказание за виновные противоправные деяния.

Все дело в том, что при применении мер защиты и не требуется установление вины субъекта права, не выносятся публичные порицание правонарушителю, не возникает дополнительное правоотношение, предусматривающее претерпевание виновным карательных мер воздействия за допущенное правонарушение. Главная цель реализации мер защиты – не осудить, не наказать, а устранить препятствия нормальному развитию (реализации) ранее сложившегося правоотношения путем применения предусмотренного законом принуждения к лицу, не выполнившему надлежащим образом свою субъективную обязанность. Следовательно при осуществлении мер защиты действительно применяются правовые предписания принудительного характера, но не штрафные (карательные), а защитные, правовосстановительные, обеспечивающие исполнение уже существующих у субъектов правоотношений обязанностей.

Меры ответственности являются средством реализации юридической ответственности как правовой обязанности правонарушителя претерпеть государственное принуждение, порицающее его за виновно совершенное противоправное деяние и заключающееся в лишениях личного или имущественного характера. В отличие от мер защиты они не являются теми рычагами, посредством которых субъект принуждается к выполнению своих уже существующих обязанностей (вернуть долг, содержать своих несовершеннолетних детей, допоставить продукцию, которая не была своевременно передана по договору поставки, и т. п.), чем обеспечиваются права другой стороны правоотношения, а представляют собой обрушивающиеся на правонарушителя совершенно новые неблагоприятные последствия его поступка, выражающиеся осуждением со стороны государства и общества. Основное назначение мер ответственности – наказать виновное в правонарушении лицо и тем самым добиться исправления правонарушителя, обеспечить в наибольшей степени общую и частную превенцию правонарушений. Возможная правовосстановительная направленность этих мер (возмещение ущерба, компенсация затрат на восстановление здоровья, по-

дорванного в результате преступления, и т. п.) весьма существенна, но несет прежде всего и при всех обстоятельствах карательную нагрузку.

Таким образом, реализация юридической ответственности в отличие от применения мер защиты предполагает не только противоправность, но и виновность действий субъекта, их государственное и общественное осуждение, выражающееся в возложении на виновное лицо совершенно новой обязанности претерпеть предусмотренные законодательством карающие его меры государственного принуждения. Однако, вероятно, в связи с длительным господством в теории права представлений о юридической ответственности как о любом предусмотренном законодательством принуждении и укоренившейся в гражданском праве традицией именовать термином «ответственность» различные обязанности чисто компенсационного содержания в юридической научной и учебной литературе еще с середины прошлого столетия сохраняются попытки обосновать допущение ответственности без вины в сфере имущественных отношений. Так, Р.О. Халфина, признавая, что ответственность без вины в советском праве носит исключительный характер и, отмечая, что нет оснований строить общую теорию ответственности на этом исключении, все же утверждала, что в области гражданско-правовых отношений остается пока необходимость в сохранении ответственности за причинение вреда при отсутствии вины [14, с. 337–341]. Половинчатость и противоречивость такой позиции очевидна.

Чаще всего в качестве так называемой безвиновной ответственности рассматривается ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности (ст. 948, 952 ГК). Однако тщательные исследования отношений, связанных с ответственностью за этот вид вреда, уже давно позволяли правоведам сделать вывод о том, что в подавляющем большинстве случаев такая ответственность устанавливается все-таки при наличии вины. Вместе с тем нередки факты субъективно и объективно случайного причинения вреда источником повышенной опасности. В таких случаях ответственность иногда обосновывается необходимостью компенсации вреда потерпевшим лицам. Но при наличии вины, по всей видимости, речь должна идти не об ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, а об обычной ответственности (уголовной, материальной). Что же касается фактов субъективно и объективно случайного причинения вреда источником повышенной опасности, то имеются все основания для применения мер защиты, а не ответственности.

Разумеется, мало одних утверждений, даже научно обоснованных, о том, что необходимость претерпевания неблагоприятных для субъекта права мер государственного принуждения, не основанная на его вине, не есть ответственность. Нужно, чтобы такого рода представления ут-

вердились в законодательстве и правоприменительной практике. «А для этого, – справедливо отмечал С.С. Алексеев, – необходимо, чтобы все другие (не основанные на вине. – *В.К.*) случаи применения мер государственного принудительного воздействия за правонарушения получили иное нормативное решение, теоретическое истолкование и терминологическое обозначение, в частности через категорию мер защиты» [4, с. 387].

Проблемы соотношения юридической ответственности с другими мерами государственного принуждения имеют и иные аспекты практического характера. Среди них, в частности, вопрос о возможности применения ответственности по аналогии. Так, в юридической литературе в свое время высказывалось положительное мнение на сей счет. В основе его лежала та основная посылка, что аналогия исключается лишь в уголовном праве, а в сфере регулирования имущественных отношений она допустима и даже необходима [15, с. 92–93]. Однако при ближайшем и внимательном рассмотрении приводимых в пользу этой точки зрения аргументов и примеров оказывается, что речь идет фактически не о юридической ответственности по аналогии, а о применении по аналогии мер защиты («санкций ничтожности» и т. п.), что по сути совершенно иное.

Юридическая ответственность как субъективная обязанность претерпеть карающие последствия за совершение виновно противоправного деяния в правовом государстве не может и не должна возникать ни у граждан, ни у организаций и их должностных лиц без прямого указания на то в законе. Неслучайно в уголовном праве, которое регулирует только отношения ответственности, аналогия закона и права не допускается (ст. 3 УК). Но допущение аналогии в других отраслях права, в частности гражданском, отнюдь не означает, что она должна распространяться и на отношения ответственности, регулируемые этими отраслями. Ведь и в ст. 5 ГК, предусматривающей возможность применения гражданского законодательства по аналогии, прямо установлено, что не допускается применение по аналогии норм, ограничивающих гражданские права и устанавливающих ответственность. Другое дело, когда речь идет о государственной реакции на факты невыполнения субъективных юридических обязанностей или объективно противоправных деяний, которая предполагает восстановление правового положения, защиту субъективных прав. Необходимость устранения такого рода правовых аномалий, заранее не предусмотренных в законодательстве, действительно требует в таких случаях принятия соответствующих мер защиты по аналогии.

Говоря о принципиальных отличиях мер юридической ответственности от других мер государственного принуждения, да и от всех иных средств правового воздействия, нельзя обойти вниманием и вопрос о

их фиксации в нормативных правовых актах, а если быть точнее – в структуре правовых норм.

В настоящее время фактически утратила свою безупречность концепция трехэлементной структуры правовой нормы. Согласно этой концепции, как отмечалось выше, в каждой правовой норме наряду с гипотезой (указанием на условия, при которых норма должна осуществляться) и диспозицией (содержащей само правило поведения) должна присутствовать санкция (предусматривающая меры принуждения, применяемые при нарушении предписаний диспозиции).

Однако, учитывая то обстоятельство, что правовое регулирование отнюдь не сводится к государственному принуждению, все большее число правоведов склоняется к тому, что правовые нормы подразделяются на нормы позитивного регулирования и правоохранные нормы. Соответственно такому разграничению первые состоят из гипотезы и диспозиции, а вторые – из гипотезы и санкции. При этом имеется в виду, что в санкциях содержатся самые разнообразные меры государственного принуждения, применяемые к правонарушителям независимо от наличия у них вины в целях обеспечения правомерного поведения, правильного разрешения юридических дел, защиты нарушенных прав и т. п. Так, к разновидностям санкций относят меры восстановления нарушенного правопорядка – принуждение к исполнению невыполненной субъективной обязанности (например, взыскание долга), отмена незаконного акта, признание сделки недействительной и т. п. [16, с. 345–346].

Нетрудно заметить, что таким образом стираются различия между мерами юридической ответственности и другими средствами государственного принуждения, которые имеют совершенно иные предпосылки, цели и способы реализации. Исключительный, негативный, карательный характер мер ответственности (уголовного наказания, административного взыскания и др.) действительно предполагает помещение их в санкции правовых норм. Такие же меры принудительного воздействия, как предупреждение, пресечение, обеспечение, защита нарушенных прав, предполагающие наказание и могущие применяться даже при отсутствии правонарушения, содержатся в диспозициях соответствующих правовых норм (порядок восстановления неправомерно уволенного лица на работе, привод, подписка о невыезде и т. п.). Именно потому, что эти меры не предполагают наказание за виновно совершенное правонарушение, а направлены на предотвращение правонарушений, их пресечение, надлежащее расследование, устранение вызванных ими неблагоприятных последствий и т. д., они и должны в виде соответствующих предписаний содержаться не в санкциях правовых норм, а в их диспозициях, предусматривающих позитивные правоохранные действия.

Научно обоснованное разграничение средств стимулирования и обеспечения правомерного поведения субъектов права, их продуманное и целенаправленное использование имеют большое значение для совершенствования деятельности правоохранительных органов. Это касается не только мер юридической ответственности и защиты нарушенных прав, но еще и в большей степени мер юридического признания (как позитивного, так и негативного), поощрения, предупреждения правонарушений, обеспечения обоснованного и справедливого рассмотрения юридических дел.

К мерам позитивного юридического признания, осуществляемым, в частности, органами внутренних дел, относятся многие действия, производимые в рамках национальной паспортной и разрешительной систем. Так, выдача паспорта, регистрация постоянного или временного проживания являются юридическими фактами, необходимыми для возникновения у граждан гражданских, семейных, трудовых, жилищных и других субъективных прав и обязанностей. К такого же рода мерам относится выдача им при соблюдении определенных условий разрешений на приобретение охотничьих ружей. В ином плане могут быть рассмотрены в указанных сферах меры негативного юридического признания – фиксирование фактов нарушения правил паспортной и разрешительной систем, а также других правовых предписаний, с которыми связаны неблагоприятные для субъектов права последствия.

Особое значение с позиций необходимости вовлечения граждан в обеспечение общественного порядка приобретают меры поощрения, которые могут и должны реализовываться в правоохранительной деятельности органов внутренних дел. Как уже отмечалось выше, в результате слабого внимания к этому вопросу он остается недостаточно урегулированным. Если, скажем, в отношении добровольных народных дружин определенные поощрения прямо предусматривались нормативными правовыми актами, то в отношении внештатных сотрудников органов внутренних дел или просто граждан, оказывающих помощь в борьбе с правонарушениями, эта сторона их взаимоотношений с правоохранительными органами еще не получила должного урегулирования и достаточно эффективного осуществления.

Наибольшее распространение и соответственно наиболее полное правовое урегулирование в деятельности правоохранительных органов получили меры негативного признания, меры предупреждения противоправного поведения и меры обеспечения реализации негативного правового воздействия. В отношении деятельности органов внутренних дел, в частности, это проявляется в составлении протоколов по поводу осмотра места происшествия, опроса очевидцев совершенного противоправного деяния, допроса потерпевшего. Административно-предупредительная деятельность проявляется в таких мерах, как проверка документов, досмотр, официальное предостережение правона-

рушителя, прекращение (ограничение) движения транспорта и пешеходов при определенных экстремальных условиях, административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, и т. п.

В отличие от предпосылок осуществления административно-предупредительных (профилактических) мер основанием применения мер пресечения является не возможная, а реальная опасность, грозящая охраняемым правовым отношениям. Меры административного пресечения могут:

применяться непосредственно к личности правонарушителя (требование прекратить противоправное поведение, непосредственное воздействие на правонарушителя с применением физической силы или оружия, задержание, привод в случае уклонения лица от явки в правоохранительный орган и т. п.);

относиться к определенному имуществу (снос самовольно возведенных строений, изъятие документов, противоправно используемого имущества и т. д.);

носить характер технических ограничений (запрещение эксплуатации неисправных транспортных средств, приостановление работы предприятий в связи с нарушением правил пожарной безопасности, запрещение эксплуатации объектов разрешительной системы и т. д.).

Меры пресечения нередко применяются в совокупности с административными взысканиями (мерами ответственности). Так, отстранение гражданина, находящегося в состоянии опьянения, от управления автотранспортным средством сочетается с последующим лишением его водительских прав на определенный срок. Но это не может служить основанием для смешения этих двух различных по своей юридической природе мер воздействия на правонарушителя.

Что касается административно-процессуальных и уголовно-процессуальных мер принуждения, то они носят двойственный характер: в определенных случаях они применяются в целях пресечения правонарушений (когда исчерпаны иные средства воздействия), а в других – для того, чтобы обеспечить своевременное и правильное рассмотрение дел, реализацию принятых по ним решений. Следует, видимо, признать правильным такое мнение по данному вопросу, согласно которому задержание, личный досмотр вещей, проверка документов, их изъятие и привод относятся к пресекательным мерам обеспечения правомерного поведения, если они применяются с целью прекращения правонарушений. Если же эти меры служат своевременному и правильному разрешению юридических дел и исполнению принятых по ним решений, то они относятся к средствам обеспечения процессуального характера. Следовательно решающим здесь является именно целевой критерий.

При рассмотрении мер правового принуждения в административной деятельности органов внутренних дел нельзя не заметить отсутст-

вие в соответствующих классификациях мер защиты, что отражало до последнего времени недооценку этих мер в правоохранительной практике вообще. Однако в современных условиях уже можно говорить о выделении в качестве особой группы принудительных средств административно-восстановительного, компенсационного характера. Ведь ныне действующим Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях определено, что применение административного взыскания призвано способствовать восстановлению справедливости и является основанием для взыскания с физических или юридических лиц возмещения вреда в порядке, предусмотренном действующем законодательством (п. 4 ст. 6.1).

Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях предусмотрено, что постановление по делу об административном правонарушении в части возмещения имущественного ущерба исполняется лицом, подвергнутым административному взысканию, добровольно в течение 15 суток со дня получения постановления (ст. 22.1). В случае неисполнения постановления в части возмещения имущественного ущерба в установленный срок ущерб взыскивается в порядке, определенном гражданским и хозяйственным процессуальным законодательством.

На первый взгляд может показаться, что речь идет о разновидности административного взыскания (меры ответственности). Однако среди видов административных взысканий (ст. 6.2 КоАП) такая мера, как возмещение причиненного ущерба, не значится. Тогда не исключается возможность рассматривать решение о возмещении ущерба по административному делу в качестве преюдиции для возмещения ущерба в гражданском процессе. Но как бы то ни было, вопрос о защите прав потерпевшего все же решается, и он должен получить более четкое правовое урегулирование. Кроме того, следовало бы в законодательных актах более полно и четко определить меры защиты и ответственности в связи с противоправными действиями, совершаемыми органами и должностными лицами, ведущими борьбу с административными правонарушениями. Пока что возмещение вреда, причиненного этими органами гражданину, предусматривается за незаконное наложение административного взыскания лишь в виде ареста или исправительных работ, причем только за счет казны (ст. 939 ГК).

Говоря о мерах административной ответственности (взысканиях), нельзя обойти вопрос о соотношении ответственности и наказания. В теории административного права еще в 70-х гг. прошлого столетия сложилось и до настоящего времени широко распространено мнение о том, что эти понятия однозначны. «Вопрос о соотношении ответственности и наказания (взыскания), – писал И.А. Галаган, – должен быть решен в пользу их полного отождествления... Любая ответственность

и есть то или иное наказание, которое является лишь юридической формой ее выражения и проявления» [17, с. 27]. В какой-то мере эта позиция отражена и в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях, в ст. 4.1 которого записано: «Административная ответственность выражается в применении административного взыскания к физическому лицу, совершившему административное правонарушение, а также к юридическому лицу, признанному виновным и подлежащему административной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом». Одним из принципов административной ответственности признается принцип неотвратимости ответственности (ст. 4.2), но не наказания. Кроме того, в главе 8 названного кодекса «Основания освобождения от административной ответственности», по сути дела, не проводятся различия между освобождением от ответственности и освобождением от наказания (взыскания), тогда как в Уголовном кодексе различия между ними проводятся довольно четко.

В то же время в ст. 6.1 КоАП записано, что административное взыскание является *мерой* административной ответственности. Думается, что и этого достаточно, чтобы увидеть различие между ответственностью как объективно возникшей и существующей обязанностью правонарушителя претерпеть неблагоприятные, карающие его последствия совершенного им противоправного виновного деяния и наказанием, т. е. фактически осуществляемым компетентным государственным органом карательным воздействием на правонарушителя.

Юридическая, в том числе административная ответственность возникает с момента совершения правонарушения, т. е. зависит от самого правонарушителя, но по различным основаниям может оказаться нереализованной в форме наказания, что в значительной степени зависит от недостатков в работе правоохранительных органов. В то же время невиновный может быть подвергнут наказанию при отсутствии у него юридической ответственности, что само по себе является правонарушением и влечет возникновение юридической ответственности у совершившего лица (правда, далеко не всегда реализуемой).

Следовательно необходимым принципом реализации (именно реализации) юридической ответственности, должен признаваться принцип неотвратимости наказания за совершенное противоправное деяние в предусмотренных законом форме и мере. Но этот принцип, к сожалению, не всегда срабатывает должным образом вследствие прежде всего упущений в борьбе с правонарушениями. Задача правоохранительных органов, в том числе органов внутренних дел, – добиваться в максимальной степени осуществления принципа неотвратимости наказания в отношении юридически ответственных лиц путем выявления и раскрытия правонарушений, установления виновных в их совершении,

привлечения к ответственности и ее реализации посредством применения предусмотренных законодательством наказаний.

В правоприменительной деятельности, особенно в борьбе с преступностью, различия между юридической ответственностью и мерами по ее реализации находят широкое практическое проявление. При этом хорошо известно, что освобождение в предусмотренных законом случаях от уголовной ответственности влечет за собой и освобождение от наказания. Но освобождение от уголовного наказания отнюдь не равнозначно освобождению от ответственности. Сохранение ответственности в таких случаях имеет весьма существенное значение при решении вопроса о наказании за новое преступление. В современном административном законодательстве Республики Беларусь такого рода обстоятельства не получили должного нормативного закрепления. В то же время в КоАП содержатся нормы, допускающие освобождение правонарушителя от административной ответственности при малозначительности правонарушения, при наличии обстоятельств, смягчающих ответственность, и при примирении сторон (ст. 8.2–8.4). Освобождение же от административного взыскания или замена его более мягким после его наложения допускается только вследствие болезни наказанного (ст. 8.6).

В этой связи вызывает сожаление забвение высказываний правоведов и правоохранительной практики по делам об административных правонарушениях 80-х гг. прошлого века, когда широко применялось не только освобождение от административных взысканий, но и прекращение дел по поводу административных проступков, если сам факт рассмотрения такого рода дел оказывал достаточное исправительное воздействие на правонарушителя [18, с. 16]. Представляется, что в качестве методологической посылки в этом отношении могла бы быть использована мысль В.И. Ленина о том, что само по себе публичное рассмотрение и отрицательная оценка правового проступка судом или другим компетентным органом (даже при освобождении от наказания) может оказать исправительное воздействие на виновного, заставить его серьезно и в полной мере учесть полученный урок [19, с. 86–89]. В самом деле, не только назначение наказания, но и само по себе публичное рассмотрение правонарушения способно стать достаточным условием исправления правонарушителя. Неотвратимая отрицательная реакция уполномоченного на то государственного органа в открытой, предусмотренной законом форме на каждый случай правонарушения и назначение в необходимых случаях наказания виновному – вот в чем суть воздействия правового государства на лиц, у которых возникла юридическая ответственность.

Таким образом, широкое разнообразие правовых средств стимулирования правомерного поведения – от благоприятных, побуждающих

до весьма болезненных, карающих – позволяет правоприменительным органам государства проводить достаточно эффективную борьбу с правонарушениями. Но для этого должна обеспечиваться необходимая системность использования мер правового воздействия, обоснованная целесообразность осуществления каждого из входящих в эту систему правовых средств, их комплексное применение в правоохранительной деятельности. А это предполагает обоснованную градацию и закрепление соответствующих мер правового воздействия в диспозициях или санкциях правовых норм, которое бы отражало довольно тонкие, но существенные различия между ними, а также обеспечивало их реальное превращение из абстрактно-правового (статутного) состояния в субъективно-правовое, личностное.

Библиографические ссылки

1. Теория государства и права. М., 1940.
2. Теория государства и права / под ред. К.А. Мокичева. М., 1965.
3. Теория государства и права / отв. ред. Н.Г. Александров. М., 1968.
4. Алексеев, С.С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. / С.С. Алексеев. Свердловск, 1972. Т. 1.
5. Рябов, Ю.С. Административно-предупредительные меры. Теоретические вопросы / Ю.С. Рябов. Пермь, 1974.
6. Разаренов, Ф.С. Основы административной деятельности милиции / Ф.С. Разаренов. М., 1986.
7. Административная деятельность органов внутренних дел : учеб. пособие / В.А. Круглов [и др.] ; под науч. ред. Л.М. Рябцева, В.А. Круглова. Минск, 1999.
8. Кудрявцев, В.Н. Правовое поведение: норма и патология / В.Н. Кудрявцев. М., 1982.
9. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» / под общ. ред. И.И. Басецкого. Минск, 2008.
10. Постатейный комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. Г.А. Василевича. Минск, 2008.
11. Братусь, С.М. Юридическая ответственность (очерк теории) / С.М. Братусь. М., 1975.
12. Лейст, О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву / О.Э. Лейст. М., 1981.
13. Нерсисянц, В.С. Общая теория права и государства : учеб. для юрид. вузов и фак. / В.С. Нерсисянц. М., 2000.
14. Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. М., 1974.
15. Самошенко, И.С. Ответственность по советскому законодательству / И.С. Самошенко, М.Х. Фарукшин. М., 1971.
16. Теория государства и права : учебник / под ред. А.С. Пиголкина. М., 2006.
17. Галаган, И.А. Административная ответственность в СССР / И.А. Галаган. Воронеж, 1970.

18. Скворцов, С.М. Принципы наложения административных взысканий / С.М. Скворцов. М., 1984.

19. Ленин, В.И. Письмо к П.А. Богданову от 23 декабря 1921 г. / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 54.

Р.В. Маджаров, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь;

А.А. Радоман, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь

ОСНОВАНИЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ ДЛИТЕЛЬНОГО ПЕРЕРЫВА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ЗЕМСКОМ ПРАВЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО, РУССКОГО И ЖЕМОЙТСКОГО¹ (XV – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVI в.)

Необходимо перенестись в седую древность для того, чтобы должным образом оценить успехи современного законодательства.

Игнат Данилович

В любом деле всегда полезно оглянуться назад.

Козьма Прутков

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь предусматривает шесть оснований для приостановления предварительного расследования (ч. 1 ст. 246) и три для приостановления производства по уголовному делу в суде первой инстанции (п. 1, 2 ч. 1 ст. 280, ч. 2, 5 ст. 302). Кроме того, судебное разбирательство по уголовному делу может быть отложено, а также прервано путем объявления по ходатайству прокурора перерыва для предъявления нового обвинения. Изложенные в УПК обстоятельства, препятствующие окончанию производства по уголовному делу, были сформулированы разработчиками ко-

¹ Данное балто-славянское государственное образование возникло в Восточной Европе в середине XIII в. С 1569 по 1795 г. Великое княжество Литовское, Русское, Жемайтское и иных земель вместе с Польским королевством входило в состав Речи Посполитой обоих народов. Далее по тексту – Великое княжество Литовское, ВКЛ.

декса исходя из ретроспективного анализа норм уголовно-процессуального законодательства Белорусской Советской Социалистической Республики и Союза Советских Социалистических Республик, а также правоприменительной практики правоохранительных органов советских республик второй половины XX в.

Вместе с тем рассматриваемые правовые явления приостановления и отложения производства по уголовному делу существовали в уголовном процессе Беларуси, Украины и России задолго до возникновения Советского Союза. Нормы, относящиеся к ним, содержатся в Статутах ВКЛ, Соборном уложении царя Алексея Михайловича 1649 г., Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Однако М.В. Королев, Е.К. Черкасова, А.М. Попов, В.М. Быков и другие ученые-процессуалисты, исследовавшие отдельные стороны этого сложного правового института, достаточное внимание уделили лишь последнему из упомянутых источников. В то же время законодательство ВКЛ, регулировавшее порядок объявления перерыва в производстве по уголовному делу, в должной мере не изучено. Работы, посвященные отечественному процессуальному праву феодального периода, написанные белорусскими историками права во второй половине XX – начале XXI в. [1–3], не в состоянии дать ответы на все вопросы, которые возникают у специалистов в рассматриваемой сфере уголовного процесса. Что же касается работ по истории процесса Великого княжества Литовского российских (в том числе дореволюционных), украинских, польских и литовских исследователей [4–37], то они, за редким исключением, остаются практически неизвестными современным белорусским ученым-процессуалистам. Вместе с тем при анализе любого правового явления в целях совершенствования норм, его регулирующих, нельзя обойтись без изучения исторического опыта, без исследования средств, которые наши предшественники использовали для разрешения тех или иных ситуаций, а также последствий данных действий. Именно такой подход позволяет более полно и объективно рассмотреть исследуемую проблему и избежать повторного совершения одних и тех же ошибок при выборе тех или иных путей ее разрешения. Это в полной мере относится и к изучению такого простого правового института, как приостановление предварительного расследования.

Изучение законодательства Великого княжества Литовского и ряда правоприменительных актов показало, что в период, рассматриваемый в статье, производство по уголовным делам являлось частно-исковым. Процесс представлял собой спор-состязание равноправных сторон (истца и ответчика) перед не зависимым от них судом, которому каждая сторона процесса должна была представить доказательства своей